

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1987
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

ного действия (№ 6). ГД в сочетании с существительным прямого лексического значения (№ 7) и переносного (№ 8) встречаются вдвое реже предыдущих. Еще реже - ГД, образованные от переходных глаголов значение каузативности суффикса которых не подчеркивается (№ 1); ГД, образованные от непереходных глаголов, приобретающие иное ЗД (№ 2); ГД в сочетании со словом "ноги" (№ 3). Реже всего используются ГД, входящие в состав фразеологизмов (№ 9).

- I. Нами рассмотрены и расписаны современные периодические издания и произведения художественной литературы последних лет. Принятые сокращения (в периодических изданиях первая цифра после сокращения обозначает номер журнала, вторая - страницу);
- B - "Bobo". Jakarta, 1980, № 28; 1981, № 3.
- DA - Dumas A. Dua puluh tahun kemudian. Diterjemahkan serta dipendekkan oleh Iskandar N.St.Djakarta, 1953.
- K - "Kartini". Jakarta, 1978, № 104.
- KU - Kamus umum bahasa Indonesia. Disusun oleh Poerwadarminta. Tjetakan ke-tiga. Djakarta, 1961.
- RB - Rumah baru dan tjerita² lain. Peking, 1957.
- RR - Raspe R.E. Baron von Munchhausen. Kiterjemahkan oleh Zuber Usman. Jakarta, 1949.
- TI - "Transtel Indonesia". Jakarta, 1982, № 35.
- VPI - "Variasi PUTRA Indonesia". Jakarta, 1980, № 324.
2. Каждый ГД с суффиксами -kan или -i может быть употреблен в действительном залоге с приставкой me- и ее вариантами me-, me-, me-, me-, редко - ber-, и в страдательном - с приставкой di-. Здесь и далее под термином ГД с суффиксами -kan или -i мы подразумеваем их возможность образовать ту или иную залоговую оппозицию.
3. Характеристика категории переходности индонезийского глагола дается по работам Н.Ф.Алиевой: Н.Ф.Алиева и др. Грамматика индонезийского языка. М., 1972, с. II7-164; Н.Ф.Алиева. Индонезийский глагол. Категория переходности. М., 1975.

И.Т.Канева

ЗАМЕТКИ ПО ШУМЕРСКОЙ ГРАММАТИКЕ IV

Шумерскому глаголу присуща грамматическая категория ориентации. Эта категория выражается особой серией префиксов (префиксы

пространственной ориентации, в дальнейшем ППО), занимающих вторую позицию в составе финитных глагольных форм (первая позиция, которую занимают префиксы наклонения, может оказаться незанятой).

ППО выражают главным образом субъективную и эмоциональную характеристику говорящим (автором) направления действия по отношению к косвенному объекту (лицу, предмету). Субъективность характеристики направления действия обусловлена, во-первых, тем, что при наличии в предложении нескольких косвенных объектов говорящий посредством ППО может подчеркнуть направление действия к любому из них, например, *maš-si₄ maš-za-lá gaba-a tab-ba-da^d Inanna-ra šš-é-an-na-ka mu-na-da-an-ku₄-ku₄-ù, Šulgi I 7-8*, "с пятницами козлятами, с бородачатыми козлятами он входит к Инанне в святилище Занна" в этом примере с помощью ППО *mu-* подчеркивается ориентация действия на косвенный объект *^dInanna-ra* "к Инанне", ср. *na-e^d Utu-ra an-šè šu-ni! ba-an-na-zig_x*, JDNW 353 "я поднял руки к небесам к богу Уту". Здесь посредством ППО *ba-* действие детерминируется по отношению к косвенному объекту *an-šè* "к небесам". Во-вторых, с помощью ППО действие ориентируется относительно позиции говорящего, указывается находится ли адресат действия близко (в конкретно пространственном или метафорическом-эмоциональном отношении) от говорящего или далеко. При этом ППО не изменяют лексического значения глагольной формы, в составе которой они выступают, например, *gi^s tukul-mé á-zu-šè hé-im-mi-gi₄*, GA 44, "боевое оружие пусть возвратится в твои руки сюда (im-mi-)!"; *Elam kur-ra-na bi-gi₄*, Van 2 VI 8, "(жители) Элама возвратились в свою страну туда (bi-)".

В текстах довольно часто отмечены предложения с финитными глагольными формами, осложненными ППО, не имеющие соответствующего коррелята - имени в пространственном падеже.

В данном сообщении будут рассмотрены те случаи, где, как нам представляется, присутствие ППО в составе финитных глагольных форм можно объяснить анафорической функцией этих формантов. В таком значении засвидетельствованы ППО *ba-*, *bí-*, *im-ma-*, *im-mi-*. Эти префиксы указывают на предмет, упомянутый выше: *li-du-ka-kéš-du-mu mu-mu ù-ta-gar mu-ni ba-gá-gá*, G St B VIII 21-23, "кто удалит (букв. "допустим, пусть удалил"), мое имя из моего сборника молитв, вставит туда (ba=) свое имя"; *gùd im-ma-ni-ib-ús ku-nuz-bi ba-ab-gar*, LE 39, "она (птица) устроила гнездо, положила туда, там (ba-) свои яйца"; *en-kul-aba^{ki}-a-ke₄ im-e šu bí-in-ra inim dub-gim b/i-1/n-gub*, EIA 503, "владыка Кулаба дотронулся рукой до глины, поставил туда, там (bí-) слова в виде таблич-

ки"; $\check{s}u-nir\ ki-\acute{a}g-ni\ mu-na-dim\ mu-ni\ im-mi-sar$ G Cyl A VII 22-23, "он изготовил для него его любимый "шунир", написал там (im-mi-) его имя".

ППО в анафорической функции могут соотноситься со всем предшествующим высказыванием: $zag-\check{s}e-m\acute{a}\ kas_4\ \check{h}\acute{e}-g\acute{a}l\ nam-ba-k\check{u}\check{s}-\acute{u}-d\acute{e}-en$ LE 168, "в моих ногах пусть будет способность бегать (букв. "бегание пусть будет"), пусть тогда (ba-) я не буду уставать!" $pa-/\check{b}i/\check{z}-a\ musen/\check{A}nzu/\check{m}usen-d\acute{e}\ amar\ im-ma-ni-ib-gar\ sab-bi-a\ ki-sikil-lil-l\acute{a}-ke_4\ \acute{e}\ im-ma-ni-ib-d\acute{u}... kug-d\ Inanna-ke_4\ ir\ e-ne\ ba-\check{s}e_8-\check{s}e_8$, GH 41-44, "В его (дерева) ветвях птица Анзу вывела птенца, в его стволе дева-демон построила дом,... чистая Инанна льет слезы из-за этого (ba-)"; $me-na-\acute{a}m\ gi^1\ gu-za-gi-rin\ ba-ni-/\check{t}u\check{s}-\acute{u}-d\acute{e}/-en\ b\acute{i}-in-dug_4$, GH 37, " когда я буду сидеть на троне? - так (bi-) она сказала"; $d\ Inanna-ke_4\ a-na\ b\acute{i}-in-ag\ m\acute{a}-e\ mu-un-k\check{u}\check{s}-\acute{u}$, IDNW 216, "что такое (bi-) сделала Инанна, я беспокоюсь". В предшествующих строках слуга Инанны умоляет бога Энки не дать погибнуть Инанне в подземном мире; $ama-mu\ ninda-ia-\acute{a}m\ gu\ \check{h}\acute{e}-em-me$, Dd 10, "моя мать пусть закричит так (im-mi-): "пять хлебов есть!"; $/\check{g}/aba-guru\check{s}-a\ gi-gim\ \check{h}\acute{e}-ra-ra\ d\ Asari-l\acute{u}-\check{h}e-e\ igi\ im-ma-an-sum$, SL 19-20, "грудь юноши она пронзила точно тростинкой, Асарилухе увидел это (im-ma-)".

ППО, очевидно, могли употребляться и в препаративной функции - для указания на то, о чем будет сказано далее: $\acute{e}-a\ silim\ 6-\acute{a}m\ nam-mi-sum\ ud\ \acute{a}a-dug_4-ga\ \check{h}i-li\ il-\acute{a}m$, G Cyl A XXI 9-10; "он дал в храме шестое пожелание так (im-mi-): день жертвоприношений полон великолепия".

Анафорический или препаративный способы указания, свойственные ППО, таким образом функционально сближаются с кругом значений, выражаемых местоимениями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Dd B. Alster. *Dumuzi's Dream, Aspects of Oral Poetry in a Sumerian*. Copenhagen, 1972.
- Ban.2 H. Steible. *Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften I*, 1982, p. 145-151.
- ELA Sol Gohén. *Enmerkar and the Lord of Aratta*, 1973.
- GA S. N. Kramer. *Gilgamesh and Agga*. - *American Journal of Archaeology*, vol. LIII 1, 1949.
- G Cyl A F. Thureau-Dangin. *Les cylindres de Goudéa*. Paris, 1925; A. Falkenstein and W. von Soden. *Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete*. Zürich-Stuttgart, 1953.
- GH S. N. Kramer. *Gilgamesh and the huluppu-tree*. - *The Oriental*

Institute of the University of Chicago. *Assyriological Studies*, 10, 1938.

G St B P.Thureau-Dangin. *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*. Leipzig, 1907.

IDNW S.N.Kramer. *Inanna's descent to the nether world*. - *Journal of Cuneiform Studies*, 1951, vol. V, 1, 1-17.

LE C.Wilcke. *Das Lugalbandaepos*. Wiesbaden, 1969.

√ Sulgi X J.Klein. *Three Sulgi Hymns*. 1981, 124-166.

SL A.Falkenstein. *Ein sumerischer Liebeszauber*. - *Zeitschrift für Assyriologie*, 1964, 22(56), 113-129.

Г.Х.Каплан

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ЗАКОНАХ ХАММУРАПИ

Три аккадские финитные глагольные формы, по традиции именуемые презенсом, претеритом и перфектом, выражают сложную систему видовых и временных значений. На разных этапах истории аккадского языка соотношения видовых и временных значений этих форм менялись, детали этого процесса до сих пор остаются невыясненными.

Презенс, форма курсивного вида, уже в древнейших аккадских диалектах выступал как видо-временная форма, которая могла выражать как действие, происходящее в момент речи, так и действие, происходившее в прошлом (только курсивное) и действие будущее (курсивное и некурсивное). Претерит и перфект, формы пунктива, которые уже по крайней мере с середины II тыс. до н.э. (среднеассирийский диалект) выражали преимущественно прошедшее действие. Пунктив будущего в значениях индикатива чаще выражался презенсом.¹ Поэтому, начиная с этого периода, претерит и перфект также можно рассматривать как формы видо-временные.

В.Зоден полагал, что хотя презенс, претерит и перфект первоначально и использовались для выражения видовых значений, а также значений аспектуальных (способ глагольного действия), уже в староаккадский период (XXV-XX вв. до н.э.) сложилась развитая система временных форм.² Это положение представляется спорным. Настоящее сообщение основано на материале вводных и заключительных разделов законов Хаммурапи. Кодекс Хаммурапи написан на классическом старовавилонском диалекте (XX-XVI вв. до н.э.), но введение и заключение отражают более ранний этап истории языка, близкий к староаккадскому диалекту.³ Для нас существенно то, что в этих разде-